УДК 81.0

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-34-52

СОВПАДЕНИЕ СМЫСЛОВЫХ ПАЗЛОВ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Шаховский В. И.*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 27, Российская Федерация***Аннотация.**

Целью работы является показать условия, приёмы, средства и способы достижения эффективности современной коммуникации.

Процедура и методы исследования. Проведён анализ текстов массмедийных жанров с использованием таких методов, как компонентный анализ, контекстуальный анализ, интерпретативный анализ.

Результаты исследования. Затрагивается вопрос соотношения смыслов и их конститuentов для успешного взаимопонимания. Рассматривается проблема интерпретации смысловой картины мира в разновидностях новой реальности при совпадении / несовпадении смысловых пазлов и практических смыслов в синхронии и диахронии, а также смысловых трансформаций в этой картине, при этом подчёркивается негативный эффект ускоренной коммуникации.

Теоретическая значимость. Проведённое исследование дополняет теоретические представления и обобщения современных средств, способов и приёмов смысловой коммуникации: формулирования и трансляции мысли.

Ключевые слова: коммуникативная среда, ускоренная коммуникация, общий культурный код / фонд, коммуникативная эмоциональная ситуация (КЭС), структура понятийного поля слова «смысл», переработка смыслов, ситуативные словари

COINCIDENCE OF SENSE PUZZLES AS A CONDITION FOR EFFECTIVE CONTEMPORARY COMMUNICATION

V. Shakhovsky*Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 ulitsa Lenina, Volgograd 400066, Russian Federation***Abstract.**

Purpose of the article is to view conditions, means and ways of achieving effective results in contemporary communication.

Methodology and Approach. The analysis of texts of different mass media genres has been carried out with the help of such methods as semantic component analysis, contextual analysis, interpretation of data.

Results. The issue of correlation of particularities and meanings for effective mutual understanding was considered. Interpretation of the sense worldview from the perspective of new reality in sense puzzles and practical senses coinciding / non-coinciding in synchrony and diachrony, as well as sense transformations in this worldview are presented. The negative effect of the accelerated communication is discussed.

Theoretical implications. The research develops theoretical views and summaries of the contemporary means and ways of sense communication: forming and rendering the thought.

Keywords: communicative sphere, accelerated communication, common culture code/fund, communicative emotional situation, the structure of the notional field of the word "sense", sense recycling, situational dictionaries

Человеку не нужно трёх сосен, чтобы заблудиться – ему достаточно двух существительных. Например, «субъект» и «объект». И чем больше люди спорят по поводу слов друг с другом, тем глубже они увязают в трясине, которую сами при этом создают.

(В. Пелевин, «Бэтман Аполло»)

Cogito ergo sum.
(Рене Декарт)

Как мыслю, так и существую.
(новая реальность)

Введение

Проблема разграничения значения и смысла, а с некоторых пор и коннотации, до сих пор остаётся не только малоизученной, но в большой степени и очень запутанной [13]. Это объясняется тем, что нет единого центра регулирования исследовательских работ. Тем более что смысл изучается не только лингвистами, но и философами, психологами, текстологами, педагогами, семиотиками, семаσιологами [7]. Координацию между результатами их исследований никто ещё не проводил.

В последние годы к этой проблеме добавилась ещё проблема соотношения смысла и мысли, особенно в аспекте коммунологии.

Мнение Т. Черниговской о том, что люди общаются не словами, а мыслями¹, уточняется мнением Я. Хинтикки [11] (люди обмениваются образами, картинками, гештальтами, представлениями). А теперь ещё всё чаще появляются работы

о том, что общение людей зиждется на Ино-образах (как попытка понять, реконструировать и адекватно отрефлексировать в своём понимании картину мира собеседника) [3]. Конечно, другим типом общения является общение искусственного интеллекта (роботов). Вроде бы, это разные аспекты человеческой коммуникации. Я специально не затрагиваю здесь проблему искусственной коммуникации – коммуникацию роботов и человека с роботами. Но во многих исследованиях по коммунологии так или иначе используется феномен кажимости [9]: разными исследователями разных культур и традиций один и тот же материал кажется иным, отсюда и разные выводы, заключения и перспективы.

Каждому следующему исследователю необходимо знать всё это разное из предыдущих исследований и опираться на них. Конечно, ни один из исследователей не обязан понимать всё ранее написанное по данной проблеме, к тому же возможно расхождение в понимании одного и того же, а тем более в его интерпретации и реинтерпретации, именно из-за разнообразия и многообразия смысловой

¹ Познер. Гость Татьяна Черниговская. Выпуск от 25.04.2016 // YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SU3nhYVEGt0> (дата обращения: 10.03.2020).

наполняемости и понимания полученных результатов. Это, как уже известно, объясняется именно не значением слов, а их смыслами, которые по-разному вычлениваются из одного и того же значения разными интерпретаторами и в разных коммуникативных ситуациях, особенно эмоциональных (КЭС). При этом надо иметь в виду, что у одного и того же значения могут быть не только разные, но даже и противоположные (амбивалентные и энантиосемичные) конкретизаторы, т. е. смыслы.

Уже одним этим фактом подтверждается мысль У. Эко [15] о необходимости многократного прочтения одного и того же текста, так как при каждом новом его прочтении выдвигаются из периферии в центр понимания / восприятия эти разные конкретизаторы, которые сумматизируются при каждом очередном прочтении, и углубляется его смысловое наполнение. Именно в этом заключается идея о бесконечности смысловых валентностей. Именно этим объясняется, например, непонятное многим до сих пор название романа У. Эко «Имя розы»¹.

В. Набоков требует понимания «мельчайших подробностей», а оно недостижимо. Эта невозможность объясняется, на мой взгляд, именно бесконечностью смыслов одного и того же значения. Ибо в разных конситуациях одно и то же слово у каждого индивида воспроизводит и порождает всё новые и новые микро-конкретизаторы смыслов как конкретизаторов разных значений одного и того же слова в условиях различных коммуникативных ситуаций, и прежде всего, эмоциональных. Как известно, все эмоции разнообразно индивидуальны и субъективны, и всегда мотивируют по-разному восприятие одной и той же информации. Почему и сложно людям общаться друг с

другом совершенно адекватно. Жаль, что современная объяснительная лингвистика перестала интересоваться семной семасиологией, так как сема – это и есть один из смыслов значения. Но и сема, как давно уже выяснилось, не является семантическим множителем или мельчайшим смыслом (атомом): она тоже имеет разные конкретизаторы аналогично атому, который оказался тоже неопредельной единицей.

Изучение разными исследователями специальных работ по проблеме формирует общую базу (когнитивный фонд научных достижений), которая должна была бы, по идее, объединять исследователей. А фактически за счёт различного понимания / интерпретации этого фонда она их разъединяет. Отсюда и противоречивость последующих результатов. Очевидной становится мысль о том, что не всё позволено человеку познать, что познание мира, в том числе, языкового, ускользает от адекватного его понимания всеми исследователями, а значит и коммуникантами. Отсюда – познание бесконечно и его понимание как линия горизонта отодвигается по мере приближения к нему, т. е. постепенно, поэтапно. И, соответственно, во все времена и во всех видах человеческого общения остро стоит проблема совместимости смысловых пазлов для адекватного взаимопонимания.

Когнитивные и смысловые пазлы коммуникации

В известной степени, с одной стороны, объединяющим, с другой стороны, разъединяющим коммуникативистов фактором является уже почти сформировавшийся, но по-прежнему остающийся открытым фонд терминологического аппарата исследования смысла. При этом слово *смысл* в науке используется достаточно широко и имеет как много семантических признаков, так и ещё больше семантических конкретизаторов. Достаточно изучить нижеприведённый пере-

¹ См.: Шаховский В. И., Супрун В. И. Имя розы – книголюбие // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 4 (54). URL: http://tverlingua.ru/archive/054/1_54.pdf (дата обращения: 12.02.2020).

чень словосочетаний и словоупотреблений этого ключевого слова – *смысл*.

Поясню, что данный перечень получен в результате сплошной выборки всех встретившихся мне текстовых источников, как печатных, так и электронных и аудиальных: в художественной литературе, в различных СМИ, включая интернет, на радио и ТВ-передачах, – охвачен максимально широкий спектр различных сфер коммуникации современного человека. Естественно, что данный перечень, во-первых, не является завершённым, открыт для дальнейшего расширения / пополнения, во-вторых, он недостаточно классифицирован, что требует дальнейшего его анализа и осмысления. Отсюда и далеко не полное комментирование понятийно-терминологического аппарата дальнейшего исследования смысла в различных научных парадигмах.

Ниже приводится открытый, сформированный в процессе данного исследования список / реестр / библиотека терминов с компонентом *смысл*, т. е. **структура понятийно-терминологического поля «смысл»**.

1. Определения смысла: авторский; восстановленный; глубинный; декодированный; забытый; (за)расшифрованный; закодированный; затемнённый; затуманенный; имплицитный; интегрирующий; истинный; косвенный; культурный; личностный; метафорический; национальный; непонятный; не восстановленный; новый; обратный; оксюморонный; первоначальный; поверхностный; подлинный; потаённый; прямой; религиозный; символический; скрытый; старый; утраченный; универсальный; эксплицитный; экологический; этнический *смысл* = 37.

2. Эпитеты: горячий; грязный; двойной; дурной; дурнопахнущий; загадочный; здравый; лживый; магический; мистический; многоголосый; огненный; открытый; подлый; поэтический; правдивый; свободный; тайный; таинственный; токсичный; холодный; эмоциональный *смысл* = 22.

3. Малые синтаксические группы:

3 а) глагол + смысл: задавать; затемнять; находить; (не)понимать; потерять; привить; создавать; творить; терять *смысл* = 10;

3 б) существительное + смысл: глубина смысла; диалогизация смыслов; коммуникация смыслами; манипуляция смыслами (СМИ); наведение смыслов; смысл языка и культуры; примыкание / *пресмыкание* членов предложения (замена смыслов в игровых целях); различие в смыслах (споры, разногласия, дискуссии) («Что ты имеешь в виду?», «В каком смысле?», «В смысле?»); смешение смыслов (препятствие для адекватного восприятия эмоционального и рационального); уровни смысла; уточнение смысла = 12;

3 в) прилагательное + смысл: внутреннее многоголосие смыслов у человека; душевные кризисы человека и их смыслы; медитативный смысл текста; «Территория здравого смысла»; ментальный источник смыслов; смыслы разной глубины, наполняемости; эмоциональные смыслы (а не смысл vs. эмоция; «эмоции выполняют интегрирующую функцию смыслов»); магический смысл слова / символа / текста; эмоциональный смысл слова / текста / высказывания; авторские личностные смыслы = 10;

3 г) разнотипные свободные / устойчивые словосочетания: смысл закона; смыслообразующая функция; смысловое уточнение; смысловой конвой высказываний; смысловая свобода мнений; смысловая открытость текста; смысловое многоголосие; смысловой хаос; эмоционально-смысловая доминанта; смысловое переживание; эмоциональная смысловая структура текста; смысловое разнообразие / варьирование; смысловые: оттенки; ореол; дымка; коннотация; смысловой вкус / привкус; смысловая объёмность; смысловое кольцо; смысловой повтор; смысловой синоним; смысловой перевод; смысловые переживания = 26.

4. Деривация: смыслообразование / смыслопреобразование / смыслофор-

мирвание / смыслопорождение; значимость / роль эмоционального компонента в процессе смыслопорождения; бессмыслица; обесмысливание = 8.

Данный перечень терминопонятий с ключевым словом *смысл* и его соответствующими дериватами и словосочетаниями, конечно же, является далеко не исчерпывающим. Его список открыт. Получен он методом сплошной выборки восприятия этого перечня при изучении теоретической литературы, просмотра и прослушивания многочисленных теле- и радиопрограмм, интернет-сайтов в течение 2019 г. Его изучение показывает, что наиболее разнообразным является перечень определений (37), важное место занимают малые синтаксические группы (58), эпитеты (22), дериваты (33), включая словную, семантическую, синтаксическую и т. п. деривацию. Замечу, однако, что, во-первых, я не настаиваю на объективности принципа классификации, а во-вторых, мною не учитывалась частотность встречаемости каждой из моделей. Субъективно отмечу, наиболее частотными были всевозможные эпитеты к слову *смысл*, что вполне логично для речевой коммуникации в качестве определённого конволя высказываний. В-третьих, общее количество варьирования ключевого слова как коммуникативной единицы составляет 125, что, несомненно, указывает на значительное место данной коммуникативной единицы во всех видах человеческого общения как мета-, так и в качестве актуального слова. Это число многократно увеличивается при попытке подсчитать частотность каждой из упомянутых моделей. Необходимо также упомянуть, что в процессе смысловой коммуникации говорящие подозревают и другие разновидности смыслов, которые язык не номинирует, но имплицитно, и говорящие это разнообразие подразумеваемых смыслов понимают. Конечно, необходимы специальные эксперименты, но, к сожалению, соответствующие методики наукой пока не разработаны. А все проводимые до на-

стоящего времени психолингвистические эксперименты не являются достаточно убедительными и совершенно достоверными. И не могут быть перепроверены другими методиками.

Всё более насущной становится возвращение к проблеме, которую выдвинул в конце прошлого века В. Г. Так, о необходимости разработки новых принципов лексикографии. В частности, он говорил о создании ситуативных словарей, один из которых он сумел совместно с французским коллегой ещё при своей жизни разработать и опубликовать¹. Принципом составления данного словаря была идея указать наиболее частотные в современную коммуникативную эпоху значения и смыслы слов и выражений. В словаре насчитывается 37 000 единиц, что позволило осуществить подробное описание особо трудных и наиболее употребительных слов. Цель данного словаря, по мнению составителя, эксплицитно показать соотношения между языком и речью; в отличие от словаря пассивного типа, где правая сторона известна читателю лучше, чем левая, в словаре активного типа необходимо показать пути перехода от системного значения слова к типизированным контекстуальным значениям и их переводам. Т. е. словарь активного типа предполагает выборку слов из наиболее типичных коммуникативных ситуаций.

Упомянутый здесь труд явился первым в отечественной лексикографии словарём нового типа. Но, во-первых, данный словарь не является словарём русского языка и французского отдельно. И уже это ограничивало возможности расширения анализа наиболее типичных ситуаций для каждого языка в отдельности с учётом этнического менталитета и этнической лингвоэкологии. Во-вторых, конечно же, в них не была проведена дифференциация между признаком значения и его потенциальными конкрети-

¹ Так В. Г., Соколова Г. Г., Триумф Ж. Французско-русский словарь активного типа. М.: Дрофа, 2008. 1056 с.

заторами. А ведь именно в потенциальной сфере семантики зарождаются все новые и новые смыслы, провоцируемые различными коммуникативными ситуациями. Именно поэтому А. Ф. Лосев писал о бесконечных смысловых валентностях (в том числе и слова) [4].

К одному из первых ситуативных словарей может быть отнесён лингвокультурологический словарь английского языка¹, т. к. этнокультура – это тоже коммуникативная среда, а значит, формируемая определёнными типизированными / типичными коммуникативными ситуациями, в которых зарегистрированы, предписаны заданные этнические смыслы для воспроизводства в определённом межкультурном общении.

Самой первой попыткой создания такого словаря может быть Оксфордский словарь английского языка под редакцией Д. Мюррея. В словарь включены все слова, бытовавшие и бытующие в английском языке, начиная с 1150 г. В нём даётся указание этимологии, орфографии, орфоэпии и семантики, в том числе на основе примеров из литературных источников в динамике, т. е. фактически он является ситуативным, так как значения, зарегистрированные в нём, взяты из активного употребления и с иллюстрациями изменений в различные эпохи бытования английского языка. Словарь является серийным, содержит более 2 миллионов цитат и имеет электронную версию². Ещё одной лексикографической новинкой, замечу – уникальной и наиболее репрезентативной для дифференциации возрастных речевых компетенций, является словарь Д. Харпера, изданный в Америке³, в котором через пул, со-

стоящий из различных представителей наиболее распространённых специальностей, куда, конечно же, включены филологи и писатели, представляющие гендерное, возрастное и культурное разнообразие, определены различные значения / смыслы / коннотации одного и того же слова, используемые разными людьми в пределах как минимум четырёх поколений, существующих в один период времени (таково, например, слово *bug* в его различных значениях и смыслах для разных поколений одной временной эпохи и разных профессий). По сути дела, именно этим разнопериодным, разновозрастным, гендерным, культурным различием объясняется недопонимание / непонимание (в том числе и эмоциональное), затруднённое общение людей разных поколений одной временной эпохи. Давно общеизвестны так называемая проблема «отцов и детей», а также важнейший вывод лингвопрагматики о несовпадении прагматики говорящего и прагматики слушающего.

Но такие словари, по моему глубокому убеждению, должны разрабатываться не учёными-одиночками, а специальной научной лабораторией при РАН. К этому, кстати, обращена в настоящее время корпусная лингвистика, которая, к сожалению, ещё не опубликовала ни одного нового ситуативного словаря. Нам представляется, что корпусная лингвистика должна объединить лексикографов, семасиологов, текстолингвистов, коммуникологов, дериватологов, журналистов и самых известных писателей, типа Б. Акунина, В. Пелевина, Т. Толстой, Л. Улицкой, С. Кинга, Д. Брауна и др. Известно, что при переводе художественной литературы переводчики довольно часто при замене смысловых и эмотивных лакун пользуются собственными креатемами, начинёнными необычными новыми смыслами.

Разумеется, составить чисто ситуативный словарь, который включал бы все возможные коммуникативные ситу-

¹ Longman Dictionary of English Language and Culture. London: Addison Wesley Longman, 1998. 1568 p.

² OED: Oxford English Dictionary [Электронный ресурс] / ed. J. Murrey, et al. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 15.11.2019).

³ Harper Dictionary of Contemporary Usage / ed. W. Morris, M. Morris. Repr. ed. New York: HarperCollins, 1988. 641 p.

ации и, соответственно, все возможные употребления слов в разных значениях, смыслах, коннотациях, человеческому разуму практически невозможно. Полагаю, что это задача для компьютерной лингвистики и искусственного интеллекта будущего. Только такой словарь может (?) зафиксировать все возможные оттенки и смыслы речепроизводства. Пока не ясно, сможет ли такой словарь быть ориентирующим или чисто регистрирующим. Повторю ещё раз, что эта лексикографическая проблема уже стоит во весь рост перед современной корпусной и прикладной лингвистикой.

Особую роль в недопонимании людей друг с другом играет так называемое обесмысливание общеизвестных значений, слов, фраз, текстов песен и публицистических текстов (*Мои мысли – мои скакуны...*; *А вокруг тишина, взятая за основу...* и др.). Особенно во всякого рода политических заявлениях одних лидеров и через некоторое время дезавуировании их высказываний пресс-секретарями (*Меня не так поняли, Мои слова вырвали из контекста* и т. п.).

Для адекватного взаимопонимания очень важен общий культурный код, фон, фонд знаний. Общие книги без всяких усилий создают общие понятия, критерии. Нет общих книг – нет взаимопонимания. Общий культурный фонд, код являются скрепой коммуникативного общества.

Одной из таких скреп очень долгое время был «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Теперь эта скрепа стёрлась, как, впрочем, и очень многие другие классические произведения. В том числе и тургеневский роман «Отцы и дети». Межпоколенный конфликт стал сверхострым из-за значительных расхождений в их языке и психологии и особенно в разносмыслах общих слов: *разномыслие*, *иномыслие*, *мыслепреступление*, *здорово- / дурномыслие* и др. Это же касается и внутрипоколенной коммуникации, для которой стало характерно так называемое

клиповое сознание, соответственно, клиповое мышление и клиповое общение¹.

Современное общение молодых даже друг с другом не имеет общих прочных скреп в виде общих знаний и разобщает их интересы, желания, мотивы и смыслы ими же употребляемых общих слов. К сожалению, происходит разобщение людей, появляется всё больше смысловых лакун, особенно эмотивных [14], при чтении классической литературы, а также и постмодернистской, в духе В. О. Пелевина и др. И прежде всего в сфере межэтнической коммуникации за счёт несоответствия этнических смыслов. Отсюда закономерным представляется вопрос – есть ли у мозга этнический признак? Мне представляется ответ положительным, поскольку этнический смысл является признаком этнического мозга (ср., напр., коннотации у одних и тех же словопонятий в разных языках: *змея*, *черепаха*, *корова*, *слон* и т. п.).

Такое же разносмыслие / разномыслие наблюдается и между разными временными пространствами, т. е. в диахронии. Напомню, двух-, трёхлетней давности тексты / новости со временем приобретают иное смысловое восприятие, особенно в аспекте их эмоционального резонирования. Аналогично малопонятен теперь смысл художественного произведения «Москва-Петушки» В. Ерофеева: близким и понятным остаётся только мат, который стал доминантой молодёжного сленга. И даже уже не сленга, а разговорной, письменной и художественной нормой для многих коммуникантов. Даже – скрепой этой новой реальности.

Именно этим разносмыслием / разномыслием / инакомыслием и семантико-смысловыми изменениями значений

¹ Шаховский В. И. Ускоренная коммуникация как потребность современного социума // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов. Вып. 20. Материалы XV Березинских чтений, Москва, 25 мая 2018 г. / под ред. В. А. Пищальниковой, Л. Р. Комаловой, Н. Н. Германовой. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 285–293.

прежних слов объясняются многочисленные переводы, например, У. Шекспира, на русский язык. Каждое новое издание его произведений увеличивается в объёме из-за комментариев. И не только за счёт изменения внутреннего содержания той же орфоэпической и орфографической нормы, но и за счёт смены культурных реалий в каждой новой эпохе.

Приведу цитату из Евангелия: «Они видя не видят и слыша не слышат, и не понимают; и сбывается над ними пророчество, которое говорит: “Слухом услышите, и не уразумее; и глазами смотрите, и не увидите”» (Евангелие от Матфея 13, 13–14).

Воистину Евангелие право. Именно это и есть предвидение того, что происходит в настоящее время со смысловым восприятием и взаимопониманием людьми друг друга. Это одна из новых разновидных реальностей коммуникативного пространства. Отсюда и новая коммуникативная норма, можно сказать, глобальная, в которой доминирует агрессия, особенно в интернет-коммуникации, и которая объясняется именно несовпадением смысловых пазлов, соотносимых с одной и той же ситуацией общения разными коммуникантами по-разному. А агрессия токсична, поэтому и появилось новое понятие – *токсичный человек*.

Не менее знаменательной для современной смысловой картины мира является истина: видеть и понимать – разница; читать (складывать буквы в слова) и понимать – разница. Именно в этом и заключаются нестыковка смысловых пазлов современных коммуникативных норм и многоликость их экологических коннотаций. Особенно если войти в сумбурное пространство разномыслий и разночтений, интерпретации и реинтерпретации и даже просто информации о каком-то факте / событии. Сравните многочисленные фейк-ньюсы в бесчисленных современных СМИ, которые запутывают адресата и уводят его из реальной в виртуальную картину мира. Вот поче-

му истину и правду о конкретном факте (реальном или выдуманном), события осмыслить адекватно невозможно, что вызывает нездоровое (неэкологичное) антитерапевтическое воздействие на психику и разум человека и провоцирует, как минимум, недовольство получателя информации и создаёт конфликтные, порой неразрешимые ситуации во всех видах общения людей и стран друг с другом. Всё больше увеличивается количество патовых ситуаций, что разрушает здоровье не только отдельных людей, но и целых социумов, и это может оправдать мнение Н. Хомского о том, что до взрыва остаётся 3 минуты¹.

Особенно это характерно для некоторых современных видов искусства, например, для рэпа. А. В. Минкин прав, когда говорит, что скорость покорила не только пространство и время, но и мозги. Рэп стремителен настолько, что нормальный человек («уходящий из натуры») не успевает даже разобрать слова, где уж успеть понять образность, юмор, словесную игру и смыслы их песен – всё это у классных рэперов есть, да не про нашу честь (Хаски, Слава КПСС, Децл и др.). Не всегда общепонятны и смыслы произведений С. Шнурова, который синтезировал несколько музыкальных направлений: рэп, рок, поп (группа «Ленинград»).

В современном коммуникативном обществе многие люди не успевают осмыслить не только слова речевого партнёра, но и свои собственные. За счёт так называемого тренда ускоренной коммуникации, а также за счёт разрушения единства формы и содержания: форма явно сейчас отстаёт от содержания², – а

¹ Хомский Н. Мир мчится к пропасти // YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=w3yn4vzPeDk> (дата обращения: 16.02.2020).

² См.: Шаховский В. И. Ускоренная коммуникация как потребность современного социума // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов. Вып. 20. Материалы XV Березинских чтений, Москва, 25 мая 2018 г. / под ред. В. А. Пищальниковой, Л. Р. Комаловой, Н. Н. Германовой. М.: ИНИОН РАН, 2018. С. 285–293.

также за счёт доминирующего клипового сознания. Только эти два тренда, которые я назвал бы иронично *трендяшки*, зачастую обесмысливают хорошую речь, вынуждают из-за скорости изобретать на ходу креатемы, формирующие «кривую» коммуникацию (см. примеры ниже, а также: *электоральный бандитизм, разновидности новой реальности, энергия протеста, блендомент, фабрика вирусов (дет. сад)* и др.).

В интернет-обществе укрепляется мнение о том, что мы должны двигаться медленно. В этом есть огромный смысл, потому что за скоростью люди не успевают осмыслить ни правдивые, ни фейковые новости по достоинству. Отсюда и такая инновация в теории эмоций, как «смешанные эмоции», когда никому не дано назвать конкретно ни свои переживания, ни переживания коммуникативного партнёра: степень их аппроксимации размыта и потому непонятна, т. е. не осмысленна. Не зря в недавние времена бытовала устойчивая фраза – «Остановиться, оглянуться, обдумать происшедшее». И другая расхожая фраза: «Один шаг вперёд, два шага назад». Сейчас люди не шагают, а летят, и все разговоры и обсуждения происходят на лету. Отсюда и бесконечные ошибки – как в личном, так и в межгосударственном общении, порой с тяжёлыми последствиями.

Естественно, чем мы медленнее в наших движениях и реакциях, тем у нас больше времени для осмысления происходящего, для размышления и для поиска правильных мыслей. Так, вроде бы, логичнее. Но у разных коммуникантов эта истина работает по-разному: некоторые способны принимать правильные решения мгновенно, другим нужны колебания и раздумья. Им эмоциональные взрывы и эмоциональные решения не подходят, т. к. они погружены в бесчисленные смыслы. И надо уметь найти решения, адекватные ситуации и конкретному событию, т. е. некую семантико-лексическую тонкость (семный конкретизатор).

Так, например, лексемы *прославить* и *ославить* – это два слова, но они – не синонимы. Точно так же, как в лексеме *наследить* есть два смысла, «хороший» и «плохой».

Приведу пример: так, в Уголовном кодексе один и тот же закон толкуется иногда в разных судах по-разному, и на основании своего разномыслия судьи выносят различные наказания за, казалось бы, одни и те же преступления. Почему и подаются апелляции, и нередко суды более высокой инстанции меняют предыдущие решения, а суды следующей инстанции могут и второе решение изменить или вернуться к решению суда первой инстанции. По общепринятому мнению это происходит потому, что текст закона о наказании прочитывается разными судами неаутентично. В теории переводоведения различаются такие категории, как адекватность, эквивалентность и аутентичность. Считается, что самым аутентичным текстом является «Устав ООН», который переведён на все языки мира. И всё равно разные государственные деятели в силу их разномыслия и разнонационально-культурной специфики «Устав» пытаются прочитать эквивалентно, адекватно, но не аутентично, отсюда и соответствующие последствия. Вот что значит лингвистическая / коммуникативная точность, а значит, и роль лингвистики в современном международном сообществе.

В современных публикациях и радиопередачах всё чаще и чаще встречаются различные словосочетания со знаковым словом смысл: *глубинный смысл; в разных смыслах; есть / нет смысла; скрытый смысл; в каких / каком смыслах / смысле; в этом / таком смысле; в двух, трёх / во всех смыслах; тонкий / грубый смысл* и др.

Со всем вышесказанным согласуется терминопонятие прошлого века – *коллективное бессознательное*, которое, с одной стороны, содержится в смысловом коде этнического менталитета (исторически), а с другой – может прививаться специ-

альными усилиями пропаганды соответствующей идеологии. Примером может служить формирование такого коллективного бессознательного в фашистской Германии перед началом Второй мировой войны, в начале и в ходе которой немецкие солдаты и офицеры якобы не осознавали всей трагичности их *коллективного бессознательного*. Это является доказательством справедливости утверждения, что мысли могут менять смыслы дел, поступков и текстов / речений.

Другим примером того, как мысли влияют на поступки человека и все его действия, является варьирование игры М. Ульянова в кинофильмах и спектаклях о Г. К. Жукове: он 22 раза играл роль маршала Жукова, и почти во всех сценариях его собственные мысли нередко меняли смыслы самой режиссуры каждого фильма и спектакля и каждого их исполнения. Правда, здесь наблюдается не коллективное, а *индивидуальное бессознательное* (а, может быть, и сознательное). Но даже это индивидуальное бессознательное оказывало влияние на коллективное бессознательное зрителей М. Ульянова. Из-за этого каждое новое исполнение являлось реинтерпретацией замысла режиссёра.

Мысли могут запускать смыслы. Идеи, как известно, овладевают массами, а зачастую, идеи зарождаются изначально у индивидуума (пример – идеи В. И. Ленина). Часто, эти идеи (смыслы) являются ошибочными и даже трагичными, что осознаётся со временем.

Среди многочисленных журналистских и чиновничьих креативов немало почти бессмысленных, как, например, неясен, смутен, затемнён смысл таких креативов, как *высокая экспертиза, реновация, оптимизация, реконструкция, дорожная карта, глубинный народ, суверенная демократия* и т. п. Как видно из примеров, к креативам относятся не только словоформы, но и размытые словосмыслы, что не может не затруднять понимания высказывания/текста и провоцировать неэкологичные эмоциональные рефлексии.

Индивидуальные смыслы могут рождаться в результате игры с языком, например, во вредных советах Г. Остера: *Если ты в своем кармане / Ни копейки не нашел, / Загляни в карман к соседу, – Очевидно, деньги там*. Ещё одним примером могут служить вирши поэтов-футуристов.

Приведённые выше примеры свидетельствуют об игровой функции языка, которая лингвистам известна давно, но которая очень сильно активизировалась в новую ускоренную коммуникативную эпоху и стала чуть ли не доминантной, например, в интернет-коммуникации и в развлекательных шоу-программах. Но наряду с игровой функцией в эпоху ускоренной коммуникации ускорились и некоторые другие функции языка.

Влияние функций языка на смыслообразование в современной коммуникации

Э. Сепир первым описал наиболее значимые для общения функции языка, выделил коммуникативную функцию, но главную – символическую, которая символизирует опыт, обозначает предметы и передаёт их значение, он не назвал [10]. Как известно из трудов Н. Д. Арутюновой и философа А. Ф. Лосева, символы содержат и транслируют как внутр поколенно, так и межпоколенно смыслы. Отсюда и терминопонятие А. Ф. Лосева *эмоциональные валентности*, которые возможны благодаря эмоциональным смыслам слова как конкретизаторам его значения [5; 16].

Покажу многообразие подходов разных лингвистов как одной эпохи (поколения), так и различных, к языку как к лингвистическому объекту в горизонтальной и вертикальной трансляции. Так, Э. Сепира интересовало, как изменяется язык, а Ф. де Соссюра – как устроен язык. Э. Сепира и Р. Якобсона интересовали функции языка (6 функций) [10; 17]. Каждый из них и все последующие лингвисты выделяли разное количество функций

языка. В конце XX в. была выделена эмоциональная функция [13]. С. Т. Золян считает фатическую функцию воздействующей, при этом он выделил ещё и информационную функцию [1]. А вот смысловую функцию языка что-то я пока не встретил в трудах лингвистов, а она, по-моему, присутствует во всех других функциях, как и прагматическая функция, которую выделяют многие текстолингвисты.

Недавно были выделены ещё когнитивная, коммуникативная, регулятивная, конативная, адаптивная функции. Выделяются также ещё и коннотативная и политическая функции языка, которые очень близки к смысловой. Замечу, что некоторые номинации функций различаются лишь формой, но не содержанием. Например, магическая функция может превращаться в политическую и в прагматическую. По мнению В. З. Демьянкова, сходство и различие магической и политической функций проявляется в изменении мира через взаимодействие триады (убеждение – воздействие – действие) [1].

По мнению С. Т. Золяна, именно от различных смысловых комбинаций во время общения людей зависят типы речевых актов, наборы стилистических средств и приёмов, разнообразные тактики и стратегии, особенно в пропаганде.

С. Т. Золян также считает, что есть три рода речей: добро / зло, справедливое / несправедливое, прекрасное / постыдное [1]. И каждое из этих понятий формируется из сложного переплетения голографических смыслов, которые, в том числе, формируют и понятие экологии человеческого общения. Другими словами, смыслы тоже формируют коммуникативную среду и умножают многообразие экологии.

Смыслы участвуют во всех функциях языка. Разные лингвисты выделяют разное их количество и разные их типы. Можно, однако, с уверенностью сказать, что и в воздействующей функции, и в фатической задействованы разные кла-

стеры смыслов. И, возможно, С. Т. Золян прав, что воздействующая функция языка равна фатической.

Смысловое расхождение наблюдается и в толкованиях одних и тех же терминов разными лингвистами. Так, по мнению В. З. Демьянкова, магия языка у Р. Якобсона ритуальная, у Дж. Серля – социальная. Он объясняет этот факт тем, что успех сообщений зависит от институционального статуса говорящего и его авторитета, имиджа. На политическую функцию языка влияет статусная функция, они взаимосвязаны. Они взаимодействуют и влияют на функциональность, они её воссоздают / воздают [1].

Поскольку человек познаёт мир не только через его концептуализацию (т. е. через осмысление, извлечение смыслов), но и через общение с людьми, в том числе и чувственное, то он не только обменивается с ними известными смыслами для всех коммуникантов или только конкретных, но и извлекает из конкретного человека его индивидуальные смыслы с последующим их воспроизведением. Таким образом, происходит взаимное обогащение смысловыми наборами и комбинациями, а также их взаимными реинтерпретациями. Это тоже является одним из источников бесконечной смысловой валентности, особенно в сфере художественной коммуникации, и прежде всего, – в поэзии. Такое явление наблюдается в так называемом *semantic stretching*, а также *semantic reversing*.

По мнению некоторых лингвистов, в языке нет ничего другого, кроме значения [2]. Из того контекста, в котором я встретил эту мысль, непонятно, куда же они включают разные смыслы значения: если исходить из семасиологического понимания значения как признака, а смысла (смыслов) как его/их конкретизатора(-ов). Эта проблема в своё время была поднята семной семасиологией, но, к сожалению, в силу быстро меняющихся научных лингвистических парадигм современная лингвистика очень далеко

от неё ушла. Мне кажется, что именно семная семасиология могла бы развить и углубить теорию смысловых пазлов в современной коммуникации, и прежде всего интернет-коммуникации, где наблюдается больше всего пазловой растыковки как причины конфликтогенности из-за недопонимания, в том числе, эмоционального.

Подтверждается и давно высказанное И. А. Мельчуком (ещё в 80-х гг. прошлого века) мнение, что естественный язык – это особого рода преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы [6]. Вот почему лингвистика давно пришла к выводу, что все тексты интертекстуальны, что абсолютно новых текстов быть не может. Все «новые» тексты только кажутся новыми. Феномен кажимости ещё не достаточно осмыслен [9], но уже многим понятно, что весь мир вокруг нас – сплошная кажимость. Многие люди не понимают смысла в современном мире, поэтому я вижу одной из главнейших задач лингвистов через язык объяснять смыслы происходящего в современном мире и пересматривать смыслы прошлых миров.

Философы всегда существовали, чтобы объяснить мир, а задача состоит в том, чтобы его изменить. Это – старое знание. Изменения в мире происходят помимо воли человека, и человек часто не может объяснить их смысл. И поэтому, на мой взгляд, мир живёт неправильно: жить в мире, не стремясь понять его смысл, – всё равно, что расхаживать по огромной библиотеке и не трогать книги. Но, я считаю, что сравнение Д. Брауном мира с библиотекой устарело, т. к. современный человек зачастую не видит живого смысла в книгах, поскольку вокруг него уже не кажущийся, а реальный цифровой мир. В этом новом реальном мире идёт ожесточённая борьба множества мнений и мыслей, и запутанных смыслов, распутыванию которых мешает институциональность.

Дело в том, что смыслы, продуцируемые авторитетами, всегда институциональны. Так же как раньше было печатное слово и слово институционального ТВ: ему обязательно / слепо верили. Теперь же авторитетных смыслов всё меньше и меньше в силу их противоречивости, а порой и «фейковости». В значительной степени это мотивируется бесчисленным множеством информационных источников, разночтением в них одних и тех же событий, фактов, статистики. И особенно за счёт интернет-источников, где информация наиболее несогласованная: управлять мыслями и смыслами становится всё более трудно. Отсюда и *мысле / смысло-преступления*.

До этого любая полемика или дискуссия представляли собой обмен смыслами. У каждого из них есть форма, и есть содержание. Уже известно:

- 1) форма значима;
- 2) бедность формы может характеризоваться богатством содержания;
- 3) форма более статична по сравнению с содержанием;
- 4) содержание может противоречить форме;

5) содержание формируется комбинаторикой смыслов, а результатом этой зависимости является разнообразие действий под влиянием одной и той же формы.

Именно поэтому считаю справедливым мнение о том, что «стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает цивилизацию»¹. Известно, что древние в своих дискуссиях и спорах начинали с выяснения друг у друга их позиций, предпосылок и смыслов: «Правильно ли я Вас понял, что...». После чего говорящий повторял мысль своего оппонента: без уточнения правильности понимания смысла высказанного оппонентом мнения дискуссия не проводилась.

¹ Померанц Г. Догматы полемики и этнический мир // E-LIBRA: электронная библиотека. URL: <https://e-libra.net/read/123085-dogmaty-polemiki-i-etnicheskiy-mir.html> (дата обращения: 24.02.2020).

Правда, сейчас во всех скандальных ТВ-ток-шоу, как правило, никто не уточняет смысла позиции оппонента. В общедоступном общении такая форма тоже очень часто используется.

Многие текстолингвисты уже осознали, что смыслы предыдущих текстов помогают лучше понять смыслы новых текстов. Аналогично, предыдущие новости помогают лучше осмыслить последующие. Всё это указывает на существование единого смыслового пространства параллельно с другими реальными и виртуальными пространствами. Все жизненные и коммуникативные ситуации, события, факты находятся за пределами языка. И, по известному объяснению, этим занимается внешняя лингвистика. Следовательно, мысли тоже находятся за пределами языка, но оформляются языком, извлекаясь из окружающего язык мира. Как и всё, что находится за пределами языка, оязыковывается, т. е. опредмечивается, а для осмысления и трансляции мысли опредмечивается для других. Но, как мы знаем из теории Сепира-Уорфа, языковые мысли могут формировать мир, иной от реального мира. Отсюда, ещё раз, мысли и смыслы, формируемые мыслями, играют огромную роль во всей жизнедеятельности человека. Поэтому обе лингвистики, и внешняя, и внутренняя, должны объединиться в совместном исследовании проблемы смысла общения.

Уверен, что в исследовании смыслообразования / смыслопорождения / смыслопреобразования должна занять достойное место и функциональная лингвистика, ибо смысл является важнейшей функцией и языка, и речи во всех видах и типах общения. Функциональная лингвистика в конце прошлого века доброжелательно приняла в своё лоно эмотиологию (лингвистику эмоций, эмотивную лингвистику), а в начале XXI в. её ответвление – эмотивную лингвоэкологию¹.

¹ См.: Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: монография / Н. Н. Панченко и др. Волгоград: Перемена, 2013. 450 с.

Круг объектов и предметов внимания эмотивной лингвоэкологии очень широк. По сути, все ранее рассматриваемые лингвистикой проблемы постепенно получают новое осмысление, но уже с позиций эмотивной лингвоэкологии.

Так, например, известно, что язык используется для формирования мира и постоянно изменяющейся его языковой картины, в том числе и эмоциональной: мир приспосабливается к словам, а слова отражают / называют и формируют новую реальность и её разновидности – отсюда адаптирующая функция слова и языка². Особую роль в процессе формирования новой языковой картины мира играют креатемы. И все они являются эмоциональными рефлексивами, и чаще всего неэкологичными. Они появляются во многих СМИ почти ежедневно, и уже давно созревает ещё одна лексикографическая проблема – создание словаря креатем по образцу словаря «Медиалингвистика в терминах и понятиях»³. Все креатемы имеют авторов и порождены определённой коммуникативной ситуацией, прежде всего, КЭС, т. е. под влиянием сиюминутных эмоций. Приведу некоторые примеры:

1) *разбухшие / разбухающие реновации* – вместо хрущёвок многоэтажки до 102 м высотой с расширенными квадратными метрами и с доплатой, на которую не рассчитывали переезжающие, что и вызывает у некоторых из них недовольство;

2) *взбунтовавшийся сквер, Ёбург, перетягивание рабицы*. Эти креатемы порождены известными событиями в Екатеринбурге, когда в центре города в сквере без согласования с жителями начали возводить новый храм. Эти креатемы рефлексировали негативные переживания общественности;

² См.: Шаховский В. И. Современные СМИ: ответственность журналиста // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 1 (16). С. 1–12.

³ Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М.: Флинта, 2018. 440 с.

3) *выселяторы* (судебные приставы, которые выселяют должников из их квартир);

4) *винтилово* (от «винтить» – метафора, означающая разгон митингов, протестных акций с арестом участников и помещением их в автозаки);

5) *агрессивный феминизм*;

6) *электоральная цензура* (необходимость собрать энное количество голосов от имеющихся депутатов – допуск к регистрации);

7) *стресс-секретарь* (пресс-секретарь, провоцирующий стрессы у адресата);

8) *тремор протеста* (фактор объединения, единения протестующих) и др.

Под влиянием эмоций постоянно изменяются не только сам мир, но и его языковая картина. А ещё ранее – концептуальная, т. к. даже всё известное предыдущим поколениям оказывается постепенно трансформирующимся в неизвестное, внутри языковой картины мира происходят перемещения устоявшихся смысловых номинаций из центра в периферию, а оттуда в маргинальную сферу картины мира. Эмоции при этом выполняют не только роль катализатора, деформатора, но и трансформатора.

Активно включились в работу законы сохранения энергии при её одновременной интенсификации. Откуда и всё возрастающая роль экологии этих динамических процессов, которая амбивалентна и даже энантиосемична: любовь – ненависть (*Любовь и ненависть высекаются друг об друга*), добро – зло и т. п. Не зря говорят, что граница между добром и злом проходит внутри сердца каждого человека.

Все креатемы являются результатом языковой игры, игры с языком. Особое внимание к ещё малоисследованным формам игры необходимо было бы уделить постмодернистским играм. Постмодернистские игры замутняют смыслы. Это же можно сказать и о политических играх в их коммуникативном воплощении. Вроде бы звуки и буквы русские и

слова знакомые, а смысл часто не понятен и многожды варьируется в интерпретациях. Очень удобно для пропаганды, контрпропаганды, обещаний для их невыполнения и для непонимания их смыслов.

Лингвистика до сих пор не разобралась до конца, чем отличается смысл от значения. Но уже известно, что это не просто две разные словоформы. Они, несомненно, соотносятся друг с другом, составляя семантическое единство. Но у одного и того же значения могут быть различные, даже противоположные смыслы (например, в случаях амбивалентности и энантиосемии). Кроме этого, одно и то же слово в разных ситуациях может реализовывать разные смыслы, и даже в одной и той же ситуации, но у разных говорящих. Но и, конечно же, с течением времени у слова может не только меняться значение вплоть до противоположного, но и изменяться количественно и качественно набор смыслов. Имеются и другие наблюдения над тем, как смыслы затрудняют или улучшают взаимопонимание между людьми и между государствами. В этом отношении смыслы, как и слова, являются масками, скрывающими, имитирующими, симулирующими, заменяющими конкретную действительность. У эмоциональных масок много функций, в том числе и симулякурная: у масок тоже могут быть разные формы – и физические, и смысловые, и вербальные, и акциональные. Примером такой эмоциональной маски является слово *оппозиция* (*системная / несистемная*).

Сравним также такие номинации одного и того же всемирно известного факта:

ВОВ – Великая Отечественная Война, ВОВ Советского Союза, Вторая мировая война. Референт этих номинаций один и тот же, значение общее, словоформы разные, и, следовательно, смыслы разные. ВОВ, по мнению А. Невзорова, бессмысленное словосочетание, смысловая развилка, потому что, по его мнению, это была отечественная война для Советского Союза только. Для Германии и со-

ветской антикоалиции она не была отечественной. Пожалуй, в этом можно согласиться с А. Невзоровым.

Другой пример, вызывающий разномыслие, – *День Победы*: для ветеранов войны и тех, кто работал для фронта в тылу – это праздник со слезами на глазах, как и для членов их семей, а для молодого поколения – это просто факт из учебника по истории, зачастую не вызывающий никаких эмоций и переживаний, значит, и это словосочетание имеет лексическое значение с обеднённой смысловой наполняемостью. Для совсем юных жителей – это просто игра. Отсюда и переодевание дошкольников и младших школьников в военную форму, военно-патриотические лагеря с игровой тематикой и т. п. Таким образом, у одного и того же содержания может быть несколько форм, а у одной и той же формы могут быть разные значения / коннотация / смыслы. Поэтому можно предположить, что тезис о единстве формы и содержания ошибочен. Точно так же, как и тезис о существовании абсолютных синонимов, т. к. даже они различаются хотя бы стилистическим признаком.

Примером может быть также эволюция смысловой интерпретации сути ЛГБТ и отношения к этому явлению (от уголовной ответственности до свободы однополых браков и усыновления детей, т. е. создания в некоторых странах однополых семьи).

В современный период ускоренной коммуникации, особенно за счёт блендинга, многие слова и фразы в СМИ изменяют свои смыслы либо градуировано, либо по схеме бинарной оппозиции: ср. – системные либералы (либо нейтрально, либо слабо коннотатирующее неодобрение, в зависимости от говорящего и слушающего) – *сислибы* (блендированная форма приобретает явно негативный смысл, как за счёт фоносемантики, так и за счёт синонимичного пейоратива *либерасты*, обозначающего ту же самую партийную принадлежность).

Трансформация / реверсия смысла в противоположный может происходить и за счёт стилистической игры определённой КЭС. Примером может служить диалог двух влюбленных: – *Милый, давай проведем с тобой отличные выходные. // – Давай, любимая, с радостью. // – Ну, тогда до понедельника.*

Другим примером могут быть знания об истории КПСС, о Великой Отечественной Войне Советского Союза, об Отечественной войне 1812 г., о Беслане, о Чернобыльской трагедии, да и вообще, почти обо всех исторических фактах, которые меняются с изменением эпохи и в связи со сменой идеологии государства.

Эта проблема всё более усложняется, и, по сути, ни наука, ни образование, ни государство не работают над её разрешением. А ведь и молодое поколение, и его родителей надо обучать жизненным смыслам, эмоциональному интеллекту и особенно самомотивации и саморегуляции. Как это делал журналист С. Доренко.

С. Доренко в одном из своих выступлений высказал очень разумную, на мой взгляд, мысль о смысле человеческой экспансии, разделив её на внешнюю и внутреннюю. По его мнению, смыслом жизни, о котором я говорил выше, являются самореализация и экспансия, но экспансия не обязательно внешняя, а и внутренняя тоже. Внутренняя экспансия – самопознание, проникновение внутрь себя, в собственный микрокосм (Эфир «Эхо Москвы», 10.05.2019; 09:15). Своей жизнью С. Доренко продемонстрировал его собственную самореализацию, как он и планировал, а его речевое поведение (тексты на ТВ и на радио) явно подтвердило его собственную внутреннюю экспансию. Несмотря ни на что, для многих С. Доренко остаётся самой яркой журналистской личностью со всеми её диалектичными позитивами и негативами, а также противоречиями.

Ещё одним очень ярким аргументом в пользу моего утверждения выше о том, что смыслы играют огромную роль во

всех сферах человеческой деятельности, является новое исследование И. Чубайса. Он историк, и он доказывает динамику смыслов в диахронии в развитии социума [12].

Полагаю, что всем, кто прочтёт новую книгу А. Мовчана¹, она поможет адекватно осмыслить всё или, по крайней мере, большинство того, что происходит в современном мире. Чем больше людей смогут прочитать это исследование, тем больше позитивного единства появится в умах *homo confusus* и, может быть, тем больше их возвратиться в тип *homo sapiens*.

А. Кибрик, несомненно, прав, что в лингвистике нет ничего другого, кроме проблемы значений [2]. И я бы добавил – проблемы смысла, ибо значение многослойно: оно – семантический признак слова. У каждого признака обязательно наличествует неопределённое число смысловых конкретизаторов, которые задаются различными коммуникативными ситуациями, и прежде всего КЭС и конкретным коммуникантом, а также его эмоциональным состоянием в момент говорения или его эмоциональной доминантой / индексом [8]. Именно в этом плане корпусная лингвистика и пытается составлять ситуативные словари (см. выше). Ситуации рожают всё новые и новые смыслы, которые трудно зарегистрировать и потому – предписывать в речевой коммуникации.

Хочется верить, что всё заключается в правильном осмыслении человеком своего бытия, в правильных / позитивных смыслах его желаний, дел, поступков. Помоему, другого пути у человечества нет, и, как, надеюсь, видно из вышеизложенного, роль и лингвистики, и самого языка в этом процессе неоспоримо огромна.

Заключение

Как показано в данной работе, в исследовании смыслообразования / смыслопорождения / смыслопреобразования должна занять достойное место функциональная лингвистика, ибо смысл является важнейшей функцией и языка, и речи во всех видах и типах общения, в том числе и в интернете, и в СМИ-дискурсах. Установлено также, что смысл и значение – это не просто две разные словоформы: они, несомненно, соотносясь друг с другом, составляют семантико-суммативное единство.

Проведённое исследование подтверждает справедливость мнения коммуникологов о том, что люди общаются смыслами. На примерах разнovidной реальности разнообразных коммуникативных сред проведено развитие этого утверждения и дана его расширительная аргументация. Показана неоспоримая значимость контрoверзы *значение vs коннотация vs смысл*.

Составлена структура понятийно-терминологического поля употребления слова «смысл». В качестве аргументации дана широкая иллюстрация влияния совпадения / несовпадения смысловых пазлов на успешность коммуникации и на её экологический эффект. Более углублённое осмысление факта, события, в том числе и текстового / речевого, приводит к более адекватному пониманию их сути и к адекватным поведенческим реакциям, в том числе и речевым, и акциональным (девербализованным).

В силу широко распространившейся по всему миру фейковой информации СМИ, которая подменяет практические смыслы происходящих событий, искажая их, всё чаще раздаются призывы к их запрету через уголовную ответственность и к возвращению к здравому смыслу объективной информации. Именно поэтому за счёт фейковой информации, различного рода искажений и пропаганды *homo sapiens* постепенно трансформируется в *homo confusus*, теряющего ориентацию в смысловых джунглях СМИ. Фейковая

¹ Мовчан А. Россия в эпоху постправды. Здравый смысл против информационного шума // AvidReaders: [сайт]. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/rossiya-v-epohu-postpravdy.html> (дата обращения: 12.02.2020).

информация довольно успешно участвует в формировании разновидностей новой / параллельной / иной реальностей, которая не позволяет адресату принимать правильное решение и совершать правильные поступки, в том числе и коммуникативные.

Поскольку человек живёт только в настоящее мгновение, всё остальное или прошло уже, или не известно, будет ли (как в своё время отмечал Марк Аврелий), меняются смыслы одних и тех же событий для людей разных эпох: идёт ускоренный динамический процесс постоянного переосмысления смысла происходившего и происходящего. Это ещё раз подчёркивает знаковую роль меняющегося смысла в меняющихся эпохах и в

меняющейся коммуникации, а также затруднённую адекватность его осмысления, в том числе и из-за множества субъективных факторов.

Перспективным, как явствует из всего хода данного исследования, представляется изучение смыслового общения людей между собой, особенно в плане эмоционального и межэтнического общения и его возможных экологических границ. Исследование показало, что назрела необходимость в более пристальном внимании лингвистов к этнопсихолингвистическим (культурным) смыслам в межэтническом и межконфессиональном общении.

Статья поступила в редакцию 06.04.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Золян С. Т. О языке в политической функции // Образы языка и зигзаги дискурса: сборник научных статей к 70-летию В. З. Демьянкова / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2018. С. 156–173.
2. Кибрик А. А., Федорова О. В. О структуре мультимедийного дискурса // Образы языка и зигзаги дискурса: сборник научных статей к 70-летию В. З. Демьянкова / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2018. С. 180–191.
3. Кислякова Е. Ю. Коммуникативная категория инакости: монография. Волгоград: Перемена, 2018. 250 с.
4. Лосев А. Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 1. С. 3–8.
5. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Московского университета, 1982. 480 с.
6. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-Текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.
7. Павликис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
8. Пищальникова В. А. Теория эмоций как междисциплинарная концепция исследования речевой деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 143–148.
9. Семёнова Т. И. Лингвистический феномен кажимости. Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2007. 237 с.
10. Сепир Э. Язык: Введение в изучение речи. М., Л.: Соцэкгиз, 1934. 223 с.
11. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 448 с.
12. Чубайс И. Русская история, беседы о смыслах. Новая концепция – без мифов и «белых пятен». М.: Яуза, 2018. 304 с.
13. Шаховский В. И. Коннотация: история, результаты, перспективы // Studia Linguistica. Вып. XXVII. Язык и познание в современной науке / отв. ред. И. А. Щирова. СПб.: Политехника-принт, 2018. С. 9–28.
14. Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград: Перемена, 1998. 148 с.
15. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
16. Язык о языке: сборник статей / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. 624 с.
17. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

REFERENCES

1. Zolyan S. T. [About language in political function]. In: Feshchenko V. V., ed. *Obrazy yazyka i zigzagi diskursa* [The images of language and twists of discourse]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2018, pp. 156–173.
2. Kibrik A. A., Fedorova O. V. [On the structure of the multi-channel discourse]. In: Feshchenko V. V., ed. *Obrazy yazyka i zigzagi diskursa* [The images of language and twists of discourse]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2018, pp. 180–191.
3. Kislyakova E. Yu. *Kommunikativnaya kategoriya inakosti* [The communicative category of otherness]. Volgograd, Peremena Publ., 2018. 250 p.
4. Losev A. F. [On the endless semantic valency of a language sign]. In: *Izvestiya Akademii nauk. Seriya literaturny i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences. Literature and Language Series], 1977, vol. 36, no. 1, pp. 3–8.
5. Losev A. F. *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. Moscow, Moscow University Publ., 1982. 480 p.
6. Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei «Smysl-Tekst»* [The study of theory of linguistic models "Meaning-Text"]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury» Publ., 1999. 346 p.
7. Pavilenis R. I. *Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka* [The problem of meaning: modern logical-philosophical analysis of language]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 286 p.
8. Pishchal'nikova V. A. [Theory of Emotions as an Interdisciplinary Concept for the Study of Speech Process]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2019, no. 1 (134), pp. 143–148.
9. Semenova T. I. *Lingvisticheskii fenomen kazhimosti* [The linguistic phenomenon of seemingness]. Irkutsk, Irkutsk State Linguistic University Publ., 2007. 237 p.
10. Sepir E. *Yazyk: Vvedenie v izuchenie rechi* [Language: an introduction to the study of speech]. Moscow, Leningrad, Sotsekgiz Publ., 1934. 223 p.
11. Khintikka Ya. *Logiko-epistemologicheskie issledovaniya* [Logical and epistemological studies]. Moscow, Progress Publ., 1980. 448 p.
12. Chubais I. *Russkaya istoriya, besedy o smyslakh. Novaya kontseptsiya – bez mifov i «belykh pyaten»* [Russian history, talks about the meaning. A new concept – without myths, and “white spots”]. Moscow, Yauza Publ., 2018. 304 p.
13. Shakhovsky V. I. [Connotation: history, results, prospects]. In: Schirova I. A., ed. *Studia Linguistica. Vip. XXVII. Yazyk i poznanie v sovremennoi nauke* [Studio Linguistics. Iss. XVII. Language and cognition in modern science]. St. Petersburg, Politehnika-print Publ., 2018, pp. 9–28.
14. Shakhovsky V. I., Sorokin Yu. A., Tomasheva I. V. *Tekst i ego kognitivno-ektivnye metamorfozy (mezhkul'turnoe ponimanie i lingvoekologiya)* [The text and its cognitive-emotive metamorphosis (cross-cultural understanding and linguoecology)]. Volgograd, Peremena Publ., 1998. 148 p.
15. Eco U. *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader. Researches on semiotics of the text]. St. Peteresburg, Simpozium Publ., 2005. 502 p.
16. Arutunova N. D., ed. *Yazyk o yazyke* [Language about language]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 624 p.
17. Jakobson R. [Linguistics and poetics]. In: *Strukturalizm «za» i «protiv»* [Structuralism “for” and “against”]. Moscow, Progress Publ., 1975, pp. 193–230.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаховский Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации;
e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor I. Shakhovsky – Doctor in Philological Sciences, Professor, Leading Researcher at the Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation;
e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаховский В. И. Совпадение смысловых пазлов как условие эффективности современной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 3. С. 34–52.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-34-52

FOR CITATION

Shakhovsky V. I. Coincidence of sense puzzles as a condition for effective contemporary communication.

In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2020, no. 3, pp. 34–52.

DOI: 10.18384/2310-712X-2020-3-34-52